

Н. Г. Скворцов

ЭТНИЧНОСТЬ, РАСА, СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА: НЕОМАРКСИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Основное методологическое отличие марксистского и различных неомарксистских подходов от немарксистских — это анализ способа производства в понимании формы и динамики развития расовых и этнических отношений в современном мире.

Хотя в работах К. Маркса и Ф. Энгельса содержится немало замечаний о важном значении, которое играют этнические и расовые отношения в различных обществах, в частности — указание на роль расы как экономического фактора, анализ положения ирландских рабочих-мигрантов в Британии, исследование значения национального вопроса во внутренней и внешней политике и т. д.¹ — основоположники марксизма не занимались специально изучением расовых и этнических проблем в контексте исследования современного им капитализма. Маркс не включал — по крайней мере, явным образом — расовые и этнические иерархии в свое изучение структуры капитализма как способа производства. К тому же он не разрабатывал свою теорию с точки зрения влияния капитализма на процесс становления наций в Европе. Теорией и практикой национального вопроса применительно к России много занимался В. И. Ленин.² Однако марксовой концепции этничности в том виде, как если бы ее разрабатывал сам Маркс, не существует. Вместе с тем есть множество неомарксистских теорий, и, хотя некоторые из них имеют в целом весьма слабое отношение к марксистской социологии, все они, так или иначе, используют марксистскую схему анализа социальной реальности. Среди них функционалистские, структуралистские, постструктуралистские, диалектические, исторические, герменевтические и другие подходы.

На протяжении многих десятилетий критика в адрес марксизма лишь меняла свои источники и формы интерпретации. Однако совершенно очевидно,

¹ См., напр.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 231—517; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 419—459; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 3—113; Маркс К. Временный Устав Товарищества // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 12—15; Маркс К. Конфиденциальное сообщение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 429—441; Энгельс Ф. В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174—176; и др.

² См., напр.: Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 233—242; Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 125—135; Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150; Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150; Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320; Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 17—58; и др.

что марксизм был и остается той формой социологии, которая оказывает серьезное влияние на исследования большинства социальных проблем, в том числе и расовых и этнических проблем. В этом убеждают и многочисленные теоретические работы, и исторические исследования, написанные с точки зрения марксистской парадигмы [см., напр., 1-5 и др.]. Безусловно, по крайней мере, то, что обсуждение этничности и расовых проблем в марксизме оказалось весьма плодотворным с позиции поиска новых подходов к решению и осмыслению данных проблем.

Сегодня марксизм в целом и более специальные марксистские подходы подвергаются критике со стороны многих исследователей, исповедующих иные социологические парадигмы. Есть два направления такой критики.

Первое из них вообще отрицает какую-либо значимость марксистской социологии на том основании, что поскольку марксово предсказание социалистической революции в развитых капиталистических странах не сбылось, то и общая теория марксизма в целом является несостоятельной. Однако такой вид критицизма является, по словам М. Фиска, «теоретикоцентричным» и отстаивается теми социальными теоретиками, которые предлагают позитивистское прочтение Маркса [6, р. 3-22]. Они редуцируют теорию к ряду верифицируемых или прогностических утверждений, связанных с будущим состоянием социума, и если эти предсказания не сбываются, то это якобы доказывает несостоятельность (или, по крайней мере, свидетельствует о необходимости серьезного пересмотра) марксизма.

Порочность такого критицизма очевидна. Теория Маркса не только не является позитивистской по своей сути, но, напротив, она противостоит позитивизму, который доказывает возможность существования предсказывающей социальной теории, смоделированной по аналогии с естественными науками. Марксизм является примером социальной концепции совсем иного типа: он является прежде всего критической социальной теорией. Поэтому позитивистские критики Маркса фактически пытаются опровергнуть центральный принцип теоретического критицизма путем использования собственного взгляда на мир (каковым является позитивизм) или метатеории для оценки адекватности другого типа мировоззрения.

Второе направление критики марксизма следует проанализировать более подробно. Речь идет о критике со стороны тех направлений, которые, подобно марксизму, трактуют расизм и «этнизм» как формы социального неравенства и подавления и признают важность капиталистических отношений производства для понимания этих форм. Но, тем не менее, они рассматривают марксистский подход как принципиально недостаточный из-за того, что последний настаивает на первичности способа производства как основе анализа.

Ярким примером критики этого рода является работа А. Бриттэна и М. Мэйнард «Сексизм, расизм и подавление» [7, р. 2—3, 38—39], авторы которой выдвигают следующие аргументы. Во-первых, с их точки зрения, расизм, «этнизм» и «сексизм» рассматриваются в марксизме как вторичные, производные явления, зависящие от капиталистических производственных отношений. Во-вторых, для марксизма, считают они, расовое, этническое и сексуальное подавление является «потребностью» капиталистической системы, т.е. «функ-

ционально необходимо» капитализму. В-третьих, пишут авторы, марксизм неизбежно сводит расовые, этнические и сексуальные формы подавления к подавлению классовому как «экономическому подавлению», отрицая их собственное значение и их автономность от классовых отношений, поскольку марксисты всегда настаивали на том, что этнические, расовые и даже сексуальные меньшинства должны подчинять свою борьбу за достижение равноправия борьбе рабочего класса за свержение капиталистического способа производства. Все это приводит А. Бриттэна и М. Мэйнард к заключению, что с позиции марксизма «обсуждение проблем расовых и этнических отношений может вестись только в контексте капитализма», а это, с их точки зрения, совершенно неверно.

Что можно сказать о такой критике? Марксистское понимание этнических и расовых форм подавления отнюдь не настаивает на объяснении их только и исключительно с точки зрения капиталистического способа производства. Однако, если мы рассматриваем расовые и этнические отношения в условиях капитализма, то, разумеется, капиталистический способ производства будет общим социально-экономическим контекстом нашего анализа. Это означает, что диалектические отношения между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями являются точкой отсчета в анализе всех других аспектов функционирования общества, совокупность которых создает тотальность любой капиталистической системы. Однако настаивание на первичности экономического базиса не является редукционизмом: марксистская и неомарксистская традиция в принципе никогда не рассматривала этнические и расовые отношения как вторичные эпифеномены классовых отношений, отрицая их автономное значение.

Следует подчеркнуть, что марксистская традиция касается главным образом социологии расовых, а не этнических отношений. В этой связи следует сказать несколько слов по поводу понятия «раса» в современной социологии и социальной антропологии и его соотношении с концептом этничности.

Категория расы, означавшая совокупность наследуемых природных характеристик, возникла в Западной Европе в XVIII-XIX вв. как исключительно биологическая категория. Хотя на протяжении столь длительного времени физическая антропология делит человечество на четыре основные и ряд промежуточных рас, современные генетики предпочитают о них не говорить. Для этого есть два серьезных основания. Во-первых, между человеческими популяциями всегда существовало столь много смешений, что говорить о фиксированных границах между расами едва ли имеет смысл. Во-вторых, существование наследуемых физических черт и характеристик не влечет за собой появление явных отличительных границ. Иначе говоря, часто существует гораздо больше вариаций внутри «расовой группы», нежели между группами.

Тем не менее, понятие расы может играть настолько важную роль, что оно обуславливает человеческое поведение и образ действия. Дело в том, что в процессе социального взаимодействия из целой совокупности различий значимыми оказываются лишь некоторые. Основанная на устойчивых объективных критериях классификация расовых групп теряет стабильный характер и становится подвижной и относительной. Раса превращается в феномен социального взаимодействия и соответственно — массового сознания. «С точки зрения социальных отношений, — отмечает В. И. Ильин, — раса — это одна из разно-

видностей групп, выделяемых социальной окружающей средой по тому или иному физическому антропологическому признаку, наделяемому функцией символа социальных и культурных качеств» [8, с. 190]. В этом смысле раса существует как некий социальный и культурный конструкт, независимо от того, «биологична» она или нет. Расизм как явление строится на предположении о том, что человек каким-то образом связан с наследуемыми физическими характеристиками, которые отличают одну расу от другой. В таком случае понятие расы приобретает социологическое значение и смысл. Поэтому для социальных наук объектом исследования являются именно социальные и культурные следствия представлений о том, что различающиеся внешние расовые характеристики каким-то значимым образом отражаются на ментальных, моральных и прочих качествах их носителей.

Понятие расы во многих исследованиях рассматривается как элемент этнического дискурса. Преследования, дискриминация, социальное дистанцирование на основе каких-либо антропологических признаков составляют основу расизма как разновидности этноцентризма. Отличаются ли исследования расовых отношений от изучения этничности и этнических отношений? В современной социологической и социально-антропологической литературе на этот счет существуют разные точки зрения. Так, М. Бэнтон подчеркивает необходимость различения расы и этничности, подчеркивая, что первая относится к категоризации, т.е. внешнему (извне) определению, и связана с процессами исключения («их»), тогда как этничность имеет дело с групповой идентификацией («нас»), при этом «членство в этнической группе является обычно добровольным, а членство в расовой группе — нет» [9, р. 11].

Однако этничность может подразумевать различие форм своего проявления. Определение «их» в терминах расы одновременно является важным аспектом нашего определения «нас», которое при этом должно получить не только этническое, но и расовое измерение. С другой стороны, существует множество процессов этнической категоризации, не связанной с расовой определенностью. Наконец, группы могут активно идентифицировать себя в позитивно оцениваемых «расовых» терминах и значениях, примерами чего являлась идеология «*Herrenvolk*» в нацистской Германии и расистской ЮАР. Нечто подобное можно обнаружить сегодня в различных формах «черного национализма» в США. Последний случай особенно ярко демонстрирует замкнутость круга в процессе перевода «негативной» расовой категоризации в позитивную групповую идентичность. Нельзя забывать, что критерии «расовой» классификации являются столь же социально и культурно обусловленными, как и те, от которых зависит этническая идентификация.

Таким образом, идея «расы» может влиять на формирование определенной части этнических идеологий, хотя ее наличие или отсутствие не является решающим фактором в межэтнических отношениях. Представляется, что можно согласиться с Р. Дженкинсом, когда он пишет, что «"расовая" дифференциация и расизм должны быть, возможно, рассмотрены как исторически определенная форма более общего — может быть, даже универсального — социального феномена этничности» [10, р. 201]. Поэтому, несмотря на различия, существующие между расой и этничностью, функционально эти понятия очень близки и могут исследоваться в одном и том же методологическом ключе.

Одной из ранних работ, посвященных анализу расовых и этнических отношений, стала книга О. Кокса «Каста, класс и раса», опубликованная в 1948 году и фактически ставшая классическим неомарксистским произведением по данной тематике [11]. Строго говоря, эта работа посвящена не только изучению расовых отношений при капитализме, и к тому же сам О. Кокс непосредственно не связывал свой анализ с марксистской парадигмой. Тем не менее, главные аргументы, на которых строится исследование Кокса, определенно являются марксистскими, и книга может быть оценена как один из первых — и потому особенно важный — вклад в неомарксистскую теорию этнических и расовых отношений.

О. Кокс развивает свою теорию вокруг трех центральных проблем: 1) отличие того, что он называет «расовым предрассудком», или расизмом, от других форм «социальной нетерпимости»; 2) исследование исторических корней расового антагонизма; 3) анализ положения негритянского населения в США как одного из аспектов «политико-классовых отношений». Все три выделенные аспекта касаются вопроса природы капитализма как способа производства и напрямую связаны с ним.

О. Кокс делает обширное историческое вступление, чтобы показать отличие расового предрассудка от других форм межгрупповой и межэтнической враждебности. Он делает различие между этноцентризмом, социальной нетолерантностью и межэтнической враждебностью. Этноцентризм — «мы»-чувство любой общности по отношению к «другим» — есть, по его мнению, чувство, общее для всех групп, которые функционируют с целью поддержания групповой солидарности, но этноцентризм редко связан с чувствами расовой антипатии [11, р. 321]. По мнению Кокса, «нетолерантность» нередко ошибочно принимают за расовый предрассудок, особенно когда она характеризует отношение к расово отличающейся группе. Антисемитизм, пишет он, является ярким примером того, как «социальная нетолерантность» может быть ошибочно принята за расовый предрассудок, но антисемитизм является совершенно иным явлением: «Прежде всего, антисемитизм есть очевидная форма социальной нетолерантности, установка которой может быть определена как нежелание части господствующей группы проявлять терпимость к верованиям и практикам подчиненной группы, поскольку рассматривает эти верования и практики как враждебные для своей групповой солидарности или как угрозу для установленного статус-кво. С другой стороны, расовый предрассудок является социальной установкой, распространяемой в обществе путем эксплуатации класса в целях стигматизации какой-либо группы как низшей, поскольку в этом случае эксплуатация такой группы или использование ее ресурсов может быть оправдано. Притеснение и эксплуатация являются поведенческими аспектами нетолерантности и расового предрассудка соответственно. Иными словами, расовый предрассудок есть основанный на социальных установках фактор содействия особому типу эксплуатации труда, тогда как социальная нетерпимость является установкой, поддерживающей действия общества по избавлению от других культурных групп» [11, р. 393].

Таким образом, О. Кокс различает социальную нетолерантность и расовый предрассудок в трех измерениях. Во-первых, расовый предрассудок может характеризовать отношение к группам, которые отличаются от доминирующих

групп физически, а не по культурным характеристикам. Любые культурные различия между расовыми группами и господствующей группой являются вторичными по отношению к их классификации с точки зрения физически идентифицируемых черт. Во-вторых, проявление расового предрассудка ограничено такими ситуациями, в которых расовое меньшинство эксплуатируется с точки зрения трудовых затрат или ресурсов. Социальная нетолерантность, по Коксу, не включает в себя такие отношения эксплуатации: культурные отличия определяют только культурную «дистанцию» от доминирующей группы. В-третьих, расовый предрассудок есть идеология, определяющая восприятие других групп как низших на основании использования биологических различий. Такая идеология неизбежно оправдывает эксплуатацию расового меньшинства доминирующей группой, тогда как социальная нетолерантность совсем не обязательно опирается на такую эксплуатацию, а предполагает, скорее, конкуренцию между культурно отличающимися группами.

Эти отличия для Кокса не являются чисто теоретическими, а характеризуют собой различные формы социальных отношений и, как таковые, порождают различные реакции доминирующей группы на соответствующие культурные или расовые меньшинства. Продолжая рассуждать об антисемитизме и сравнивая его с расизмом, О. Кокс отмечает: «Доминирующая группа является нетолерантной к тем группам, которые она определяет как антисоциальные, при том что поддерживает расовый предрассудок в отношении тех, которые можно определить как субсоциальные... Таким образом, общество обычно нетолерантно по отношению к евреям, но испытывает предрассудок относительно негров. Иначе говоря, господствующая группа или правящий класс не любит евреев вообще, но любит негров на их месте. Условием любви к евреям является то, что они перестанут быть евреями и добровольно станут такими же, как большинство, тогда как условием их любви к неграм является то, что негры перестанут стараться быть такими же, как большинство, и будут довольствоваться тем, что останутся неграми... Общество стремится ассимилировать евреев, но они, как правило, отказываются от возможности быть ассимилированными; негры же хотят быть ассимилированными, но общество не позволяет им ассимилироваться» [11, p. 400-401].

Определяя расовый предрассудок как идеологию отношения к дискриминируемой группе, основанную на физических различиях и потребностях эксплуатации расово отличающейся общности или группы, О. Кокс отмечает, что происхождение расовых предрассудков относится к сравнительно недавней исторической эпохе. Он доказывает, что «расовая эксплуатация и расовый предрассудок развивались европейцами параллельно с развитием капитализма и национализма, и, поскольку в мире происходило распространение капитализма, все расовые антагонизмы могут быть прослежены и объяснены из политики и установок ведущих капиталистических народов — белых людей Европы и Северной Америки» [11, p. 322].

О. Кокс исследует историю завоеваний от древних греков до португальских экспедиций, подробно анализируя те формы межэтнических отношений, которые эти завоевания производили. Он говорит, что во всех этих ситуациях жестоких межэтнических конфликтов главным результатом было «обращение» завоеванных народов в религию и культуру завоевателей. Даже португальские

вторжения в Африку в начале эры работорговли не несли в себе расового антагонизма: католическая церковь настаивала на обращении язычников в свою религию, а экономический базис расизма еще не был развит. «Церковь получала свою долю африканской паствы, но идеи экономического использования сегрегации еще не существовало, как не существовало "культурного параллелизма" — техники увековечивания статуса рабов для чернокожих рабочих» [11, р. 329].

Взглядов, согласно которым существуют люди с низшим статусом от рождения и этот низший статус определяется расовыми характеристиками, до определенного периода времени не существовало, хотя позднее именно они составили основу для эксплуатации труда в колониях.

По мысли О. Кокса, расовый антагонизм берет свое начало в европейском завоевании Нового света и работорговле в Африке. Однако, отмечает он, использование труда индейцев и африканцев как рабов в шахтах или на плантациях первоначально не было связано с идеологией расового неравенства и идеей превосходства представителей одной расы над другой. Все определялось экономически — «исторической доступностью», как выражается О. Кокс, труда африканцев (такая «доступность» была результатом применения европейской военной силы, экспансионизма и последующей работорговли). Только потребность в использовании «цветного труда» и поддержание его статуса как рабского труда в целях увеличения прибыли постепенно развили идеологию расового превосходства. О. Кокс указывает на испанского теолога Гайнеса де Сепульведа, писавшего о «варварской природе» индейцев, как на одного из самых ранних идеологов расизма, но добавляет при этом, что лишь гораздо более поздние мыслители из европейских стран начали «доказывать», что «примитивные народы» менее способны «творить культуру», чем европейцы [11, р. 335].

Учение о расовом превосходстве получило свою наиболее завершенную форму только во второй половине XIX века. Развитие ранней капиталистической экспансии шло параллельно с развитием расового антагонизма, что было обусловлено потребностями нового экономического порядка в условиях доиндустриальной экстенсивной технологии. При этом идеологически все было направлено на то, чтобы помешать культурной ассимиляции групп рабов. Хотя в своем анализе О. Кокс не обращается непосредственно к работам К. Маркса, его взгляды во многом соответствуют марксовым воззрениям относительно форм контроля труда в колониях. Рабский труд был необходим для того, что Маркс называл «первоначальным накоплением капитала... историческим процессом отделения производителя от средств производства». «Первоначальное накопление» формирует форму предыстории капиталистического развития и является начальной точкой развития зрелого капитализма, основанного на использовании наемного труда. Эту начальную точку сам Маркс находил в XVI веке: в колониях работник был фактически на положении раба, а его труд рассматривался как рабский труд. Таким образом, то, что становящийся капитализм испытывал экономическую потребность в максимально дешевой, если не бесплатной, рабочей силе, а получить такую силу в метрополии было невозможно, послужило социально-экономическим основанием возникновения расового антагонизма.

Почему идеология расового превосходства с необходимостью должна была сопровождать сохранение рабской рабочей силы в колониях? Сам О. Кокс не отвечает на этот вопрос, но объяснение мы находим в работе другого неомарксиста — Р. Томпсона [12].

Несомненно, европейские государства имели достаточно экономической и военной мощи в колониях, и идеологическая гегемония, казалось, была излишней. Режим Римской империи, например, основывался на рабском труде и нуждался в нем, но расистской идеологии не имел. По мнению Р. Томпсона, дело заключается не только в экономических потребностях, но и в культурных основаниях европейского общества в XVII-XVIII вв. Становление капитализма и его экспансия происходили в контексте господства философии «естественного права» Просвещения в интеллектуальной атмосфере Европы. Эта философия исходила из того, что все люди созданы равными и, следовательно, обладают равными правами (в первую очередь — правом на владение собственностью). Поддержание такой идеологии было очень важным для подрыва феодальных привилегий, основывавшихся на правах наследования. Из этой философии логически следовало, что различия, существующие между людьми в их образе жизни, привычках, обычаях, являются результатом различий в условиях окружающей среды и в исторической ситуации, а не неизменных биологических (расовых) характеристик. «Инвайронменталистская точка зрения на человека, — пишет Р. Томпсон, — пришла в явное противоречие с формами контроля труда в колониях, особенно с рабством в Америке» [12, р. 153].

Капитализм, основанный на использовании труда свободного от крепостной или рабской зависимости работника, вполне соответствовал идеям «естественного права» и опирался на них. Капиталистические производственные отношения в корне подрывали организацию труда, построенную на труде рабов или крепостных. Но, с другой стороны, экономическая выгода, которую сулила эксплуатация «цветных» рабочих в колониях, стимулировала появление и широкое распространение «теорий» о превосходстве одной расы над другими.

Главный аргумент О. Кокса, что расизм и расовый предрассудок был порожден развитием европейского капитализма, подтверждается дальнейшим историческим анализом, проведенным в его работе. Важно подчеркнуть при этом, что расизм, по мысли автора, не является ни «автоматическим», ни «необходимым» результатом капитализма как способа производства в его первоначальных или более развитых формах. Сказать, что капитализм стал причиной расизма, означает ошибочно редуцировать и неоправданно упрощать сложную, исторически сложившуюся комбинацию экономических, социальных и культурных факторов. Однако в равной степени ошибочно было бы заявить, что рост расистской идеологии не имеет ничего общего с развитием капитализма, особенно если иметь в виду конфликт, возникший между аграрной, основанной на принудительном труде формой производства и развивавшейся мануфактурной системой с ее «свободным» трудом. Развитие расизма и расового антагонизма можно понять, считает О. Кокс, только внутри этого экономического контекста. Расизм не был необходимым результатом некоего абстрактного капитализма или исторической случайностью. Старый порядок, основывавшийся на рабстве, потерпел поражение в борьбе с расширявшимся и

агрессивным новым порядком, но созданная им расистская идеология служила совершенно конкретным целям получения максимальной капиталистической прибыли.

По О. Коксу, отношения между капитализмом и расизмом можно свести к трем основным положениям. Во-первых, промышленный капитализм, чтобы существовать, должен пролетаризировать массы рабочих, то есть сделать товаром их способность к труду. Совершить это означает дегуманизировать носителей рабочей силы и действовать по отношению к ним по законам рынка, то есть в соответствии с фундаментальными законами капиталистического общества. Соответственно человеческая рабочая сила должна рассматриваться как безличный, подлежащий купле-продаже количественно измеряемый товар. Во-вторых, поскольку рабочая сила может продаваться и покупаться как любой другой товар, поиск возможно более дешевой рабочей силы является непосредственной и практической целью достижения максимальной прибыли. В-третьих, в прямых интересах капиталистов развивать такую идеологию, которая способствует процессу пролетаризации и упрощает его. Поэтому капиталисты стремятся всеми рациональными и иррациональными способами показать, что рабочий класс, представленный другой расой и нещадно эксплуатируемый, имеет более низкое умственное развитие в силу своих биологических особенностей. Это и составляет квинтэссенцию идеологии расового превосходства и подавления, которая, как считает О. Кокс, получила наиболее полное выражение в США (напомним, что книга впервые была опубликована в 1948 году). Американский расизм, особенно на юге страны, направлен, по мнению автора, на эксплуатацию всей негритянской расы как дешевой рабочей силы, предотвращение путем сегрегации или иных мер любых позитивных контактов между черными и белыми, сдерживание развития организаций рабочего класса (особенно профсоюзов) путем отделения черных от белых [11, р. 485-488].

В целом неомарксистская теория расовых отношений О. Кокса может быть суммирована следующим образом. Негры изначально эксплуатируются по их классовому положению, т.е. как пролетарии. То, что они подвергаются расовой эксплуатации, связано с тем, что они становятся предметом расистской идеологии превосходства. Тем самым чернокожие испытывают на себе двойную эксплуатацию по сравнению с белыми рабочими. Именно это обстоятельство О. Кокс имеет в виду, когда, в отличие от Р. Парка, настаивает на необходимости рассмотрения расовых отношений в Америке как формы «политико-классового господства», а не как проблемы ценностных конфликтов, культурных установок или ассимиляции. Расизм и расовое разделение труда прибыльны для капиталистов. За счет расистской идеологии разделения белых и черных рабочих их общие интересы скрываются от них. Эта идеология и практика очень эффективны, поскольку капиталисты угрожают белым рабочим более дешевым трудом негров. Расизм, основываясь на идее «разделяй и властвуй», активно используется работодателями для усиления эксплуатации труда.

Современным наследником О. Кокса в исследовании связи капитализма и расовых отношений может считаться М. Райх, американский экономист и социолог. В своей известной работе «Расовое неравенство» М. Райх использует эконометрический анализ, при этом подчеркивая весьма относительную адекватность неоклассических подходов к изучению расового неравенства и наста-

ивая на необходимости использования марксового принципа классового конфликта [13].

Он приходит к выводу, что в принципе все неоклассические модели сводятся к утверждению о том, что расовое неравенство сохраняется по той причине, что оно выгодно белым рабочим (или всем белым вместе — рабочим и работодателям). М. Райх же, проанализировав имеющуюся статистику, заключает, что «большинство черных и белых рабочих потеряли свои доходы в результате политики расизма, тогда как богатые получали от нее выгоду». Тем самым он противоречит выводам либеральной неоклассической точки зрения (Г. Беккер, А. Кройтер, Л. Туроу, К. Арроу и др.).

М. Райх предполагает, что более «реалистичная модель» современной экономики должна основываться на марксовской концепции антагонизма между капиталистами и рабочим классом. Буржуазия и рабочие имеют различные интересы, что обусловлено борьбой за получение прибавочной стоимости — борьбой, которая постоянно присутствует внутри капиталистического предприятия: «Этот альтернативный подход берет за отправную точку нашего понимания политических и экономических интересов анализ классового конфликта и рынка. Распределение дохода обусловлено с этой точки зрения рыночными и властными процессами, а также конфликтом между рабочими и капиталистами. С этой точки зрения рабочее место становится аренной соперничества, где капиталисты организуют работу, а рабочие, получая меньшую заработную плату при стремлении получить большую, сопротивляются этому — и индивидуально, и коллективно. Прибыль капиталиста зависит от степени ограничения коллективного действия рабочих. Организация труда, включающая деятельность бюрократических структур и использующая существование расового и иных форм разделения труда, становится ключевой переменной...

Теория классового конфликта указывает общие контуры формального анализа, который предлагает решение вопроса о том, почему расовое неравенство воспроизводится в капиталистической экономике. Этот анализ объясняет, почему рынок сам по себе не устраняет расового неравенства; в противоположность неоклассическим теориям, этот анализ свидетельствует, что большинство белых рабочих не имеет никакой выгоды от расового неравенства, тогда как капиталисты имеют...» [13, р. 307, 308].

Исследование М. Райха доказывает, что расизм наносит ущерб и черным, и белым рабочим. Во-первых, расовый антагонизм разделяет пролетариев с разным цветом кожи и мешает им осознать их общие интересы. Во-вторых, следствием расистской политики и практики является снижение общего уровня благосостояния, в том числе благосостояния и белых трудящихся с низким и даже средним доходом [13, р. 269].

Все это в совокупности снижает шансы малообеспеченных черных и белых рабочих создать, как выражается М. Райх, «коалицию бедняков», которая могла бы вести борьбу за широкие социальные реформы, увеличение числа рабочих мест, более справедливую заработную плату.

М. Райх не утверждает, что капитализм порождает расизм или является его причиной. Он только показывает, каким образом расизм может функционировать в интересах класса капиталистов и как расовый антагонизм может поддерживаться и усиливаться в современной рыночной экономике, где получе-

ние прибыли является главным мотивом производства. Тем самым он объясняет действие расизма в контексте развитой капиталистической системы. Сила неомарксизма М. Райха заключается в том, что его анализ не сводит расу к фактору «вторичного угнетения», тогда как для большинства иных подходов (в том числе и неомарксистских) расизм выступает некоей аномальной характеристикой системы. Так, расизм, по Райху, есть первичная характеристика американской социальной формации: США не просто капиталистическое государство, это расистское капиталистическое государство.

Теория расового антагонизма М. Райха демонстрирует роль и значение причин неэкономического характера в рамках экономических производственных отношений как базисной конструкции, внутри которой эти причины действуют. Вместе с тем его работа доказывает, что такие неэкономические феномены, каковыми являются идеология и практика расизма, могут серьезным образом влиять на экономические факторы производства и, в целом, трансформировать экономический базис общества.

* * *

Какие темы наиболее характерны для сегодняшнего марксистского анализа этнического и расового феноменов? Таких тем несколько. Одна из них — роль политических институтов, в первую очередь, государства, как механизма воспроизводства расово и этнически структурированных ситуаций. Анализ природы капиталистического государства, проведенный в русле недавних теоретических дискуссий, продемонстрировал взаимосвязь между политикой и этническими идеологиями, политикой и расизмом в определенные исторические периоды [см. 14]. Исследования роли государственных институтов в поддержании расовых и этнических структур в большом числе государств (США, африканские страны) указали на важность политического контекста этничности и расовых отношений. Значимые работы в этом направлении выполнены на материале различных обществ, в частности, выделяются исследования южно-африканского государства и его роли в институционализации системы апартеида в период после 1948 года, которые показали, что государство и его институты послужили фундаментом для установления и поддержания расовой и этнической сегрегации, и определили государство в качестве ключевого элемента, без учета которого невозможно понять феномен расизма в различных национальных и политических контекстах.

Другой важной темой исследований остается роль этничности и расизма как источников раскола внутри рабочего класса. Этот сюжет, начатый О. Коксом и развитый, как мы видели, М. Райхом, вновь попал в центр современных марксистских дискуссий о расизме с точки зрения классового анализа в 80-90-е гг. В многочисленных работах о роли этнических и расовых отношений в США и Западной Европе этот вопрос исследовался в плане как теоретических, так и исторических перспектив. Так, С. Каулс и М. Миллер некоторое время назад специально проанализировали сложный способ, которым класс, раса и этничность взаимодействуют между собой в конкретных исторических контекстах, что проявляется в появлении определенных этнических слоев внутри рабочего класса [15].

Внимание к роли государства и политики в развитии этнических и расовых отношений характерно для современных исследований, проводимых в США и Западной Европе. В Соединенных Штатах эта проблема трансформируется главным образом в вопрос о том, как взаимодействуют между собой власть, проводимая ею политика и расизм. Как пишут М. Оми и Х. Уинант, «одной из наиболее отличительных черт расовых отношений в современных расово разделенных обществах является роль политических и легитимных отношений для существования расовых категорий и для конституирования социального значения таких терминов, как расизм, этничность и расовое неравенство» [16, р. 5]. Для Европы данная тема связана в первую очередь с проблемой социально-экономического и культурного положения чернокожих и других этнических меньшинств в течение последних десятилетий. Главное внимание в данных исследованиях уделяется изучению процессов, посредством которых сообщества этнических меньшинств и рабочие-мигранты лишаются основных социальных и политических прав и вытесняются из конкурентной борьбы за доступ к политическим институтам. В этой связи следует заметить, что в таких странах, как Франция и Германия, главной проблемой недавних политических дискуссий как раз и являлся вопрос о том, предоставлять ли рабочим-мигрантам больше прав.

Наконец, еще одним аспектом недавних марксистских дискуссий, посвященных анализу этнических и расовых отношений, стало выяснение вопроса, не присущ ли самому ядру марксистской теории внутренний евроцентризм. Данная тема поднималась в последние годы и многими критиками марксизма, и теми, кто заявлял о свои симпатиях к марксистским взглядам. Наиболее обстоятельное исследование по данному вопросу — работа С. Робинсона «Черный марксизм», автор которой доказывает, что марксизм неразрывно связан с западноевропейской традицией, которая не в состоянии в полной мере понять этнизм и расизм [17].

Так или иначе, в мировой социологии имеется немало работ по вопросам исследовательских стратегий и конкретных исследований этнических и расовых отношений, написанных с марксистских или, более точно, — неомарксистских позиций. Их критический запал стимулировал многие дискуссии по проблемам этнических и расовых отношений. Одной из наиболее значимых попыток обоснования марксистской концепции стали работы Р. Майлса, посвященные расовой проблеме [18; 19, р. 217-237; 20]. Исходным пунктом анализа Р. Майлса является его неприятие социологии «расовых отношений» и настаивание на том, что объектом исследования должен стать «расизм», который он рассматривает как явление, неотделимое от процесса капиталистического накопления капитала.

Работы Р. Майлса представляют собой наиболее показательный пример развития марксистского анализа расизма как социального и исторического феномена. Начатые работой «Расизм и труд мигрантов» (1982 г.), его труды являются попыткой включить проблемы расизма в самые основы марксистской социальной теории. Эмпирическое исследование, предпринятое Р. Майлсом, было сфокусировано в первую очередь на ситуации в Британии и Западной Европе, где он изучал роль политических, классовых и идеологических отношений в формировании расового конфликта.

Для Майлса идея расы является понятием, сконструированным в рамках идеологии, характерной для обществ, власть внутри которых тем или иным образом регулируется. Аналитически раса представляет собой «бумажного тигра», разделяемого всеми на уровне повседневного дискурса, но при этом являющегося серьезной теоретической проблемой. Поэтому социолог исследует аналитический и объективный статусы расы как основы коллективных действий. Он приходит к выводу, что раса как социальная проблема есть следствие идеологии определенного типа, маска, скрывающая реальные экономические отношения. Тем самым формы классового сознания, по Майлсу, должны быть в конечном итоге сведены к экономическим отношениям, скрывающимся внутри регулируемого процесса расового разделения.

Р. Майлс использует в данном контексте понятия расовой категоризации и расового деления для обозначения того, что он называет «ситуациями, где социальные отношения между людьми структурированы таким образом, что обуславливают и конструируют различные формы коллективной жизни» [21]. Эти концепты применяли и другие авторы, чтобы анализировать процессы, посредством которых понятия расы и этничности социально и политически конструировались в определенных исторических и институциональных контекстах. В ряде этих работ исследуется роль законодательства по расовым и этническим отношениям, история появления представительства негров в политических институтах, развитие публичной политики в таких типичных сферах расового и этнического неравенства, как занятость и жилье. Эти исследования, в частности, показали, что процессы, в результате которых раса и этничность получают особое социальное значение, варьируются в зависимости от национальных границ и обусловлены политическим, законодательным и социоэкономическим окружением. Сравнительное изучение иммиграционной политики в ряде европейских стран продемонстрировало, что создание законодательной базы для контроля за прибытием групп иммигрантов часто становилось предметом жаркой политической и идеологической полемики.

По Майлсу, процесс применения расовых категорий в социальном контексте тесно связан с условиями существования рабочих-мигрантов. Существует явное противоречие между потребностями мировой капиталистической экономики в мобильности главной производительной сферы с одной стороны, и наличием территориально-государственных границ и института гражданства, устанавливающих ограничения мобильности человеческих ресурсов с другой [22, р. 438].

Например, в условиях Великобритании разработка государственных актов, направленных на оптимизацию экономики, в частности, на преодоление кризисов, шла параллельно с проведением регуляционной политики в области этнических и расовых отношений в среде рабочего класса.

Р. Майлс поднимает ряд фундаментальных вопросов о природе политических акций внутри общин рабочих-мигрантов. Наиболее важный из них — это вопрос о том, до какой степени политика по отношению к неграм и этническим меньшинствам является выражением классового конфликта. Майлс настаивает на том, что расовая дифференциация всегда создается в контексте классовой дифференциации, в процессе политической регуляции социальной жизни. Это — ядро его критики социологии расовых отношений. Однако нельзя сказать, что

эта позиция является видом классового редукционизма: в некоторых случаях классовая эксплуатация может сопровождаться конструированием ситуаций расового неравенства или господства. Раса, тем самым, есть прежде всего политический конструкт. Именно в этом смысле он использует упомянутые выше понятия расовой категоризации и расового деления, применяя их в анализе тех ситуаций, где социальные отношения людей структурированы значением человеческих биологических характеристик таким образом, что последние обуславливают дифференцированные социальные коллективы. Таким образом, работы Р. Майлса являются явной попыткой отойти от аполитизированных социологических конструкций этничности и расизма путем помещения их в контекст марксистской теории социального конфликта.

Другой ряд влиятельных неомарксистских работ по проблемам расы и этничности связан с деятельностью Центра современных исследований культуры (CCCS) в Бирмингеме, Великобритания. Группа исследований расы и политики Центра сосредоточила свое главное внимание на изучении изменений в этнической и расовой политике и исследовала развитие новых форм расовой идеологии. На теоретические подходы группы значительно повлияли работы С. Холла, в которых весьма критично анализировались взгляды Р. Майлса.

Главная тема, над разработкой которой работала группа и которая получила наиболее полное воплощение в коллективном труде «Империя наносит ответный удар» (1982) — это исследование сложного процесса, в результате которого раса и этничность конструируются как социальные и политические отношения [23]. Раса рассматривается здесь в качестве открытой политической конструкции: коллективные идентичности, основанные на расовых признаках — при всей их кажущейся произвольности — являются мощными средствами солидарности и координации коллективных действий.

В этой модели коллективного действия заложена возможность взаимного сосуществования множества идентичностей. Понятие «черной идентичности» может быть главным и преобладающим, но в то же самое время может допускать разнородность национального, культурного и социального происхождения ее носителей. П. Гилрой, в частности, полагает, что политические идентичности, выражаемые через расу, реализуются в форме общественных движений, которые относительно автономны по отношению к классовым отношениям и классовой борьбе [24, p. 256].

Обсуждение марксистами в 1980-е годы расовых и этнических проблем продолжает оказывать серьезное влияние на методологию современных исследований. Однако вместе с тем многие исследователи считают, что критические работы этого периода уже не отвечают способам теоретизирования, требуемым в 1990-е гг. Для этого существует несколько причин. Главная из них — кризис внутри самого марксизма, выразившийся, в частности, в том, что некоторые марксистски настроенные авторы потребовали, как мы уже отмечали выше, радикальной ревизии классового анализа и включения в него рассмотрения тех общественных движений, которые мобилизуют иные формы идентичности, отличные от классовой [25, p. 421-438; 26]. Другая группа авторов предложила вообще отказаться от марксизма как аналитической концепции и заменить ее некоторыми положениями постструктурализма [27, 28].

Одним из результатов этих изменений в марксизме стал все более наблюдаемый интерес к статусу культурных форм (особенно в контексте так называемых «культурных исследований»), а также возвращение к анализу этничности в условиях метрополии. В 1980-е годы анализом культурных форм и процессов марксисты занимались мало, предпочитая ему исследования политических аспектов расизма. «Культурологическое» направление казалось малоперспективным, однако впоследствии именно вопросы производства культуры и политической идентичности становятся ареной современных дискуссий по этническим и расовым проблемам. Прежде всего, исследуются те способы, которыми создаются культурные формы в рамках глобальных связей и отношений современности [см. 29, р. 183-209].

Процесс переосмысления культуры одновременно включил в себя изучение того, как происходит концептуальное оформление расизма и «этнизма». Работы, посвященные этому вопросу, используют аргументацию постструктурализма и постмодернизма и указывают на необходимость избегать униформистской трактовки концептуального оформления расизма и этнических представлений. Сегодня большинство авторов, пишущих на эту тему, пытается дать более полную картину современных расовых и этнических образов через изучение роли литературы, средств массовой коммуникации, искусства и других культурных форм в конструировании этих образов.

Как указывает Д. Голдберг, «предположение о простом, монолитном расизме изменилось в результате исследования многообразных исторических формулировок расизма» [30, р. XIII]. В этом контексте понятен интерес многих авторов к изучению вопросов о соотношении расовых отношений и национального строительства, национализма и патриотизма. В частности, британские социологи-марксисты обнаружили в своей стране в 80-е годы явление, которое они назвали «новым, или культурным, расизмом». Эта новая форма расизма уходит своими корнями в социальный и политический кризис, охвативший в тот период Великобританию, и его ядром является защита мифического «британского (английского) образа жизни" перед лицом врагов внешних и внутренних. К последним относятся негритянские сообщества, мусульманские фундаменталисты и др. П. Гилрой указывает на тревожные последствия этого нового расизма, подчеркивая, что в его контексте категории «черный» и «британец» начинают воспроизводиться как взаимоисключающие [24, р. 55-56].

Появление «нового (культурного) расизма» свидетельствует о настоятельной необходимости понимания расизма и феномена расы как исторически меняющихся явлений. По Д. Голдбергу, необходимо концептуально определить расу, принимая во внимание то, что этот термин означал в разное время [31, р. 543-569]. Тем самым, вопрос о том, является ли раса онтологически валидным понятием или нет, трансформируется в проблему идеологической определенности субъективности, построенной на мышлении в расово дихотомических терминах. Исследования «нового расизма» показывают, что современное проявление такого мышления кодируется в языке: раса кодируется в качестве культуры. Семантика расы создается сложным взаимодействием множества отличающихся друг от друга дискурсов, в котором языки культуры начинают включать в себя термины расовой принадлежности.

Расовая политика претерпела значительные изменения в последние десятилетия. Эти трансформации частично нашли свое отражение в теоретических дискуссиях об онтологическом статусе расы и методологии ее изучения. Однако, когда некоторые авторы, пишущие о расе и этничности, попытались отделить исследовательский процесс от политики, то оказалось, что делать это невозможно или нежелательно. Поэтому политический контекст концептуализированного расизма и «этнизма» необходимо объяснить.

Прежде всего следует отметить, что ни одно из теоретических направлений в изучении расовых и этнических отношений не является в настоящее время доминирующим и общепризнанным. Большая часть из основных исследовательских парадигм не может быть принята в качестве теоретически полных: потребность в большей четкости при определении ключевых понятий и оперировании ими продолжает существовать. Возможно, М. Бэнтон прав, когда пишет, что различные теоретические парадигмы могут по-разному описать процессы, происходящие в сфере расовых и этнических отношений, поскольку одним и тем же ситуациям приписывают свои специфические значения [32, p. 125]. Однако дело не только в этом: разные парадигмы явно или неявно исходят из отличающихся политических установок и позиций.

Вопрос о том, каким образом концептуально оформляются расовый и этнический дискурсы, не является чисто академическим, он всегда связан с более широким политическим контекстом в любой исторический момент времени. В частности, исследование Л. Бэка и Дж. Соломоса, двух известных неомарксистов, занимающихся этническими и расовыми проблемами, продемонстрировало связь науки и политики в этой области [33, p. 178-199]. Его исходным пунктом было предположение о том, что раса является прежде всего политическим конструктом. Отсюда следует, что утверждения, принадлежащие к расовому дискурсу, должны анализироваться в контексте процессов социальной регуляции и формирования идентичности. Однако проведенный анализ показал, что формы расизма многообразны и сложны, а его логику следует оценивать с точки зрения того, что авторы называют «метонимическими уточнениями». Это означает, что дискурсивно формы расизма могут выражаться через множество кодированных значений. Современный расизм развивался, адаптируясь к новым историческим обстоятельствам. Главным следствием этих *«уточнений»* является то, что в некоторых случаях расизм принимает скрытые или видоизмененные формы. Например, упоминавшийся «новый расизм» 80-х годов кодировался в терминах логики культурных конфигураций, и его сторонники могли утверждать, что они защищают свой образ жизни, а цвет кожи к этому не имеет никакого отношения.

С этой точки зрения, какое-либо единое или очень простое определение расизма вряд ли возможно. Тем не менее, современные формы расизма имеют некоторые общие главные черты. Они пытаются зафиксировать социальные группы в терминах естественных свойств принадлежности внутри политического и географического контекстов. Значения, придаваемые расе и расизму, должны быть помещены в определенные зоны дискурса и увязаны с социальными отношениями, обнаруженными внутри этих контекстов. Тогда становится ясно, что идентичности, основанные на расовых характеристиках, формируются также внутри этих контекстов. Дж. Соломос предлагает подход, ко-

торый релевантен для любого анализа расовых отношений, связан ли он с политикой какого-либо государства или с политической организацией, выражающей интересы расовых или этнических групп [см. 34, р. 84-109]. Этот подход стремится расшифровать значения расовых идентичностей, не отдавая при этом предпочтения ни одной из классификаций. Речь идет о такой модели концептуализированного расизма, которая, во-первых, учитывает локальные и контекстуальные проявления расистского дискурса и, во-вторых, способна увязать локальные проявления с более широкими общественными дискурсами.

Современные теоретические работы выработали такую модель, которая выводит формы расизма из политического дискурса. Однако одним из слабых мест этой литературы, с точки зрения Дж. Соломоса, является то, что, исследуя дискурсы политики и средств массовой информации, она не попыталась выяснить, как эти идеологические формы выглядят на локальных уровнях внутри отдельных общностей и групп. Серия же эмпирических исследований показала, как формирование значений происходит в местных сообществах, например, мультиэтнических группах рабочей молодежи. В контактах чернокожих молодых людей со своими белыми ровесниками в городах «негритянская культура становится классовой культурой ... поскольку два поколения белых присвоили ее, открыли для себя соблазнительные формы ее значений» [35, р. 273]. Результатом является то, что невозможно говорить о негритянской культуре в Британии отдельно от культуры Британии в целом. Этот локальный уровень формирования значений очень важен для развития расизма, который социально, политически и даже географически обусловлен.

Интересной и новой темой работ современных неомарксистов является вопрос о влиянии различных форм расизма на белое большинство. Р. Дайер в своей работе, например, утверждает, что в киноискусстве «белая идентичность» присутствует имплицитно: она предстает как «нормальность» и, как таковая, не нуждается в определении и анализе [36, р. 44-46]. С другой стороны, для негров идея «белой идентичности» ассоциируется с террором. Описывая свой опыт чернокожей женщины, выросшей в Америке, Б. Хуке пишет: «Идея "белой расы" в воображении черных часто предстает в образе террора» [37, р. 342].

Этот сюжет в современной литературе имеет важные следствия. Одним из наиболее критикуемых аспектов социологии расовых и этнических отношений является то, что она сосредоточивается главным образом на жертвах расизма, а не его виновниках. Критический анализ «белой идентичности» социологически подрывает основы того «здорового смысла», который автоматически переводит любое обсуждение расизма в область изучения негритянских сообществ. С. Холл указывает, что переосмысление данной идеи необходимо не только в целях борьбы с расизмом, но и для обеспечения благополучия различных расовых диаспор в различных странах. «Думаю, для чернокожих, живущих в Британии, — пишет он, — вопрос о том, как британцы могут научиться жить вместе с нами, почти столь же важен, как вопрос о нашей собственной идентичности. Мне представляется, что белые находятся даже в более трудном положении, чем мы. Мы, сколь бы курьезным это ни казалось, вынуждены спасать их (белых — Н.С.) от самих себя — от их собственного прошлого. Нам приходится позволить им увидеть, что Англия — это довольно интересное мес-

то с довольно интересной историей, которое правило нами почти 300 лет, но теперь это закончилось. Так кто же они теперь?» [цит. по 38, р. 417].

Марксисты настаивают на том, что вопросы производства культуры и многообразия дискурсов должны быть интегрированы в схему концептуализации и объяснения современного расизма. По их мнению, теоретическое обсуждение расовых проблем должно происходить в контексте происходящих политических изменений. Сегодняшний период — это, с одной стороны, сложный спектр различных форм расизма и расового дискурса, с другой стороны — фрагментаризация «черной идентичности» как политической идентичности, происходящая под давлением культурной дифференциации. В то же самое время, что выглядит, возможно, парадоксальным, новые культуры и формы этничности возникают в контексте диалога и продуцируют целый калейдоскоп культурного синкретизма.

Таким образом, неомарксистские концепции расизма и этничности внесли немало ценного в понимание современных расовых и этнических отношений. Конечно, марксизм, как и другие основные социологические парадигмы, не дает ответа на все теоретические и эмпирические вопросы, которые ставит развивающийся полиэтничный и расово разнообразный социум. Однако чрезвычайно важной посылкой современного марксизма в исследованиях расовых и этнических проблем является его настаивание на важности дискурсивного анализа расизма и «этнизма». В частности, расизм, с точки зрения марксистской методологии, не может быть сведен к классовым отношениям, но на него нельзя смотреть и как на нечто совершенно автономное от других социальных отношений.

Исходной конструкцией марксистского анализа этнических и расовых отношений является экономическая структура, способ производства. Различные экономические структуры придают производственным отношениям различные формы организации. Если экономической структурой является капитализм, то отношения между трудом и капиталом и классовые отношения, основанные на этой организации, формируют необходимый контекст для интерпретации явлений и следствий расизма и этнической дискриминации.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
2. Bloch M. *Marxism and Anthropology*. New York, 1983.
3. Robinson C. *Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition*. London, 1983.
4. Pinkney A. *The Myth of Black Progress*. Cambridge, 1984.
5. Resnick S., Wolff R. *Knowledge and Class: A Marxian Critique of Political Economy*. Chicago, 1987. .
6. Fisk M. *Why the Anti-Marxists Are Wrong* // *Monthly Review*. March, 1987.
7. Brittan A., Maynard M. *Sexism, Racism and Oppression*. Oxford, 1984. .
8. Ильин В.И. Отечественный расизм // *Рубеж: Альманах социальных исследований*. 1994. № 5.
9. Banton M. *Racial and Ethnic Competition*. Cambridge, 1983.

10. Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // *Ethnic and Racial Studies*. 1994. Vol. 17. № 2.
11. Cox O. *Caste, Class and Race*. New York, 1959 (1948).
12. Thompson R. *Theories of Ethnicity: A Critical Appraisal*. New York, 1989. Ch. 6.
13. Reich M. *Racial Inequality*. Princeton, 1981.
14. Hall S., Jacques M. *New Times: The Changing Face of Politics in the 1990s*. London, 1989.
15. Castles S., Miller M. *The Age of Migration*. Basingstoke, 1993.
16. Omi M., Winant H. *Racial Formation in the United State*. New York, 1986.
17. Robinson C. *Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition*. London, 1983.
18. Miles R. *Racism and Migrant Labour*. London, 1982.
19. Miles R. *Marxism Versus the "Sociology of Race Relation"* // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 7. 1984.
20. Miles R. *Racism*. London, 1984.
21. Miles R. *From Where We Have Come to Where We Are Going: Reflections On Racism and British Politics, 1945-2000*. Цит. no: Solomos J. *Race and Racism in Contemporary Britain*. Basingstoke, 1989. P. 28.
22. Miles R. *Racism, Marxism and British Politics* // *Economy and Society*. Vol. 17. 1988.
23. *The Empire Strikes Back*. (CCCS) London, 1982.
24. Gilroy P. *There Ain't No Black in the Union Jack*. London, 1987.
25. Anthias F. *Connecting «Race» and Ethnic Phenomena* // *Sociology*. Vol. 26. 1992.
26. Castells M. *The City and the Grassroots*. London, 1983.
27. "Race", *Writing and Difference* / Ed. by H. Gates. Chicago, 1986.
28. *Anatomy of Racism* / Ed. by D. Goldberg. Minneapolis, 1990.
29. Bhabha H. *Interrogating Identity: The Postcolonial Prerogative* // *Anatomy of Racism*.
30. Goldberg D. *Introduction* // *Anatomy of Racism* / Ed. by D. Goldberg. Minneapolis, 1990. P. XIII.
31. Goldberg D. *The Semantics of Race* // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 15. 1992.
32. Banton M. *The Race Relations Problematic* // *British Journal of Sociology*. Vol. 42. 1991.
33. Back L., Solomos J. *Doing Research, Writing Politics: The Dilemmas of Political Intervention in Research* // *Economy and Society*. Vol. 22. 1993.
34. Solomos J. *Varieties of Marxist Conceptions of "Race" Class and the State* // *Theories of Race and Ethnic Relations* / Ed. by J. Rex, D. Mason. Cambridge, 1986.
35. Gilroy P. *One Nation Under A Groove: The Cultural Politics of «Race» and Racism in Britain* // *Anatomy of Racism*. / Ed. by D. Goldberg. Minneapolis, 1990.
36. Dyer R. *White* // *Screen*. Vol. 29. 1988. № 4.
37. Hooks B. *Representing Whiteness in the Black Imagination* // *Cultural Studies* / Ed. by L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler. London, 1992.
38. Solomos J., Back L. *Marxism, Racism and Ethnicity* // *American Behavioral Scientist*. Vol. 38. 1995. № 3.